

Евгений Кремнёв

В ПОИСКАХ КАЙФА

Где я?

Евгений Кремнёв

В поисках кайфа

«Издательские решения»

Кремнёв Е.

В поисках кайфа / Е. Кремнёв — «Издательские решения»,

...Легендами местных любителей кайфа были заброшенные деревни. Деревни эти зарастали коноплей в таких масштабах и первобытном буйстве, что все культурные «пятаки», даже самые обильные, по сравнению с ними были детским лепетом. Он нашел такую деревню. Но последствия оказались непредсказуемыми...

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**В поисках кайфа
Где я?
Евгений Кремнёв**

© Евгений Кремнёв, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Это приключение началось в 1989 году в провинциальном городе Н.

Фамилия Коли была Адамов и кличка «Адам», прилипшая к нему с детства, заменила имя.

Живя когда-то на окраине города, и имея, вдобавок, склонность к одиночеству, он приставился бродить по окрестным сопкам, удаляясь с годами все дальше и дальше, и повзрослев, по сезонам, ходил, то за папоротником, то за земляникой, то за грибами, то за шиповником, а также за лимонником, калиной и прочим.

Восемь лет назад он впервые попробовал гашиш, и вектор его поисков круто изменился – главной страстью стал поиск «пятак», а другие плоды земли служили теперь удобной ширмой.

В отличие от малолеток, он был осторожен и знал меру. Круг друзей, отдававших дань зелью, был узок и жил он, как думалось, не вызывая подозрений ни стукачей, ни любопытных бабок с околоподъездных скамеек.

В обществе всегда циркулируют какие-нибудь легенды – большие (если можно так выразиться), о которых знает каждый, и специфические – волнующие лишь посвященных. Легендами местных любителей кайфа были заброшенные деревни. Деревни эти зарастали коноплей в таких масштабах и первобытном буйстве, что все культурные «пятки», даже самые обильные, по сравнению с ними были детским лепетом.

Адам к этим легендам относился скептически, пока не побывал в одной такой деревне. Масштабы и нетронутость увиденного ошеломили его.

На следующий год оказалось, что деревня эта уже не тайна, и по слухам, «спалили» там кого-то, и стали туда наведываться конные разъезды деревенских, а что это такое кое-кто уже знал: в лучшем случае – битие до потери памяти, в худшем – ментовка и за ней – «зона».

Адам ни в коей мере не относил себя к когорте камикадзе, да и серьезно на эту деревню никогда не ставил, во-первых, из-за ее удаленности, во-вторых, памятуя об изречении: тайна лишь тогда тайна, когда ее знает один, да и тот в могиле.

Два года назад он провел эксперимент, посеяв весной, в укромном месте, семена конопли, но результат был обескураживающий: не возшло ни единого кустика.

Это растение, вызывавшее в нем мистический трепет, заросли которого он чуял за версту, и которое боготворил, имело одну особенность. Оно любило всяческое дерьмо. И поэтому посадка плантации, как Адам понял позднее, упиралась в очевидный тупик: чтобы растение выросло – нужно дерьмо, но все дерьмо скапливается вокруг человека и его скотины, а там трутся такие же, как он и менты. Круг замыкался и спасала только заброшенная деревня.

Часть 1

Адам сидит на лавке, дожидаясь пригородного автобуса. Рядом стоит тяжелая сумка с лимонником, ноги гудят от трехчасового лазания по крутым склонам.

Подходит дед с седым ежиком на голове. Он пьян, просит закурить. Потом садится рядом и ударяется в воспоминания «как раньше было».

Адам, вежливости ради, поддакивает стариковскому трепу, слушает вполуха, но насто-
раживается, когда дед говорит, мол, заимка когда-то у него была: коровы, овцы, ульи с пчёл-
лами. Все сгинуло. Все прахом пошло. Чертовщина всякая началась, то козыдохнут, то корова
взбесится, то сыновья пропали. Ушли и не вернулись... А че делать? Сруб разобрал – продал,
и улики продал, а куды их девать? – дед понурился, вздохнул протяжно, – Эхэ-хэ... И отец
мой, покойник, тама жил, и братаны его. Целый хуторок, считай, был, а теперь...

Дед махнул рукой и выматерился.

– А где это? – осторожно спрашивает Адам.

– Д-а, тама, – дед неопределенно машет рукой, – за Сомовым озером.

Адам лихорадочно придумывает наводящий вопрос.

– А там же дорог нет!

– Как так нет! А по верху! Она и сейчас, верно, есть. Заросла может. Да не-е. Угадать
можно.

– Это не в том распадке, где осиновая роща? – хитрит Адам.

– Ну-у нет! Две сосны там стоит. Лет им по триста. Да они и сейчас там стоят. Куды им
деться.

– А когда это случилось все? В смысле уехали вы оттуда?

– Куды там уехали. Считай – убежали. В шестьдесят четвертом ли-што ли!? А ну ее
к едрене-фене!..

Дед после сказанного сгорбился, присмурел и на продолжение разговора не откликнулся.
Подъехал автобус.

Адам все час десять минут пути проворачивал в уме стратегию поиска.

Сомово озеро, тянувшееся под грядой сопок, он знал. И дорогу эту – заброшенную, с еле
заметной колеей – тоже. Знал, что в первых четырех распадках быть ничего не может. Эти
распадки были его открытием и тайной, и каждую осень он собирал там лимонник и дикий
виноград. Дальше начиналась «терра инкогнита».

...Почти незаметная колея, существовавшая, видимо, благодаря охотникам, приводит его
в узкую долину между сопок и исчезает на зеленом лугу у трех распадков.

Адам сидит, по-турецки поджав ноги, жует бутерброд с колбасой, запивает чаем из тер-
моса и рассеянно поглядывает на красно-желтые склоны.

Распадок справа невелик и просматривается насквозь. Сосен в нем нет.

Другой распадок открывается глубоким оврагом с мочалками корней в песчаных боках
и завалами гнилого дерева вдоль русла.

Вход в левый распадок зарос густым кустарником и молодыми березами-осинами. Что
там за ними – не видно.

Поев, он кружит около этих зарослей, пытаясь обнаружить хоть какой-то намек на про-
шрое человеческое присутствие. Потом отбрасывает сомнения и углубляется в кустарниковые
джунгли.

...Это продвижение, кажется, никогда не кончится. Обзора нет и единственный указатель направления – уклоны.

Перемахнув через овражек, он пробивается сквозь заросли багульника и оказывается в сквозном редколесье с нитями летающей паутины. Отирая пот, Адам оглядывается и не верит собственным глазам: вдали, между стволов берез, виднеются две сосновые верхушки.

С громко стучащим сердцем, поминутно смахивая липнущую к лицу паутину, он почти бежит к заветным знакам.

Березняк кончается и, сразу открывается: два черных столба, обозначающие несуществующие ворота, гниль завалившегося забора и дальше – стена сизых, покачиваемых ветром, зарослей.

Две сосны молчаливыми стражами возвышаются над заветной плантацией.

Под копчиком Адама сладко ноет. Ему кажется что поляну, отделяющую березняк от плантации, он перелетает по воздуху и, опомнившись, уже стоит у вожаемых растений, не смея верить в такую удачу. Наклонив одно из них, он разглядывает бисеринки смолы, густо обсыпавшие пахучие головы, вдыхает будоражащий аромат, и испытывает чувства любовника, снимающего последние одежды с желанного тела.

Он тут же принимается за работу и снимает с рук один и другой раз. Довольный результатом, он решает обойти плантацию вокруг: определить размеры и, самое главное, проверить: не был ли здесь кто-нибудь до него. Не утерпев, он приделывает маленькую «пяточку» и, раскурившись, дожидается прихода эйфорической волны.

...Где-то на периферии взгляда ему чудится движение, глухо бумкает и в затылок что-то ударяет. В глазах темнеет и тут же все проходит. Он оглядывается: нет никого. Какой странный «приход», думает Адам.

... – Слушай, а он очухается?

– Думаю, где-то через часок.

Два человека, остроносых и остротелых, стоят над лежащим на спине Адамом. У одного в руке ружье.

– Слушай, а он жив? – спрашивает тот, что помладше, совсем еще подросток.

– Куда он денется, – отвечает второй, постарше и с ружьем.

– А вдруг?

– Резиновой пулей с такого расстояния? Жив на хрен! Проверено на собаках.

Тот, что помладше, садится на корточки, слушает грудь. – Жи-ив, – говорит он с радостной улыбкой.

– А куда он денется. Теперь чувак будет знать, что кайф тут просто убойный, в буквальном смысле. И не хрен сюда соваться. Он, кстати, не успел курнуть? – строго спрашивает он пацана, сидящего на корточках.

– Да, не! Ты че! – уверяет второй снизу.

– Точно?

– Отвечаю!..

– Смотри, не дай боже!..

...Вглубь распадка заросли тянутся метров на триста. Адам, почти дойдя до конца, удовлетворенно отмечает что «тертых» кустов нет и, перед тем как завернуть и обойти плантацию с другой стороны, оглядывается – ему хочется насладиться ее размерами. Но наслаждения не случается: то место, где он «приделывал пятку», теперь отделено от него дрожащим воздушным маревом, по густоте близким к желе, и кто-то там лежит, и над этим лежащим стоят двое. Адам от неожиданности пятится, цепляется пяткой за конопляный стебель и с громким трес-

ком валится в заросли. Он замирает, готовый при первых признаках погони вскочить и бежать куда глаза глядят.

Так он сидит, как ему кажется, целую вечность, но ни топота погони, ни просто крадущихся шагов – не слышно. Со всей возможной осторожностью он встает и выглядывает из зарослей. Картина не изменилась. В том же мареве двое стоят над третьим, лежащим и, судя по движениям, о чем-то переговариваются. Голосов не слышно. Так они стоят еще минут пять, или пятьдесят? А потом, не спеша удаляются, а скорее размываются, в той стороне, откуда Адам пришел не далее как полчаса назад.

Адам стоит, как натянутая струна, готовый при малейшей опасности то ли бежать, то ли кричать, он сам не поймет. Человек, по-прежнему лежит, не подавая признаков жизни. Наконец Адам решается и, по-кошачьи ступая, крадется к странному природному явлению. Всем телом он чувствует, как густеет и сопротивляется воздух, как по лицу и рукам бегут иголки слабых электрических разрядов, а кончики пальцев на руках и ногах начинает сводить судорога, но он упорно идет к лежащему человеку, хотя уже почти догадался кто это. Он достигает точки, откуда в состоянии разглядеть его лицо и замирает. Этот человек – Адам.

Адам пристально разглядывает свою копию, чувствуя, как колени начинают слабеть, голова кружиться. Он резко разворачивается и, преодолевая сопротивление, бежит прочь от своей неподвижной копии.

С другой стороны плантации, невидимый ранее из-за двухметровых растений, перед Адамом предстает то ли сарай, то ли амбар, но какой-то маленький, будто игрушечный, с проваленной крышей, с бревенчатыми стенами, поросшими мхом. Вокруг него стелется туман никак не вяжущийся с ветерком и послеполуденным солнцем.

...Адам стоит у самой кромки тумана и не решается двинуться дальше.

...Он бросает взгляд на полуоткрытую дверь хибары и она, вырастая в размерах, притягивает его к себе.

Ноги Адама, отяжелев, сами собой шагают в туман и он, против желания, направляется к развалюхе и, наклонив голову, входит в низкую дверь.

Свет, проникающий сквозь пролом в крыше, освещает пространство у самого входа. Толстый слой пыли, испещренный следами похожими на птичьи, подается под адамовыми ногами, в воздух взлетают пушистые хлопья и плывут в сумеречную глубь сарая.

Заслонясь от света, он всматривается в сумрак и ему становится тоскливо до тошноты от пугающей непонятности увиденного: в самом углу, в маленьком резном креслице, спиной к нему, сидит... сидит в пурпурном халатике и видна куриная нога... это, что сидит, медленно поворачивает голову, растущую на глазах...

...Адам с ужасом смотрит в черное лицо с челюстью-клювом...

...Существо соскальзывает с креслица...

...Лицо Адама дергается, жилы на шее и руках вздуваются. Он валится набок, вздымая тучи пыли, и его тело бьет сильнейшая судорога.

Большеголовое существо подбегает к нему на своих куриных ножках, вскакивает на голову и, завертевшись волчком, ввинчивается в лоб.

Обливаясь потом, с выпученными глазами, Адам орет. – О, ты! Я – твой! Я только твой! Несказанная! Ничей больше! Больно, Несказанная! Пуст...

Он внезапно затихает, словно подавившись.

Очнувшись, Адам отряхивается от пыли, достает из рюкзака хлеб, колбасу, кладет около пустого кресла и выходит.

Он обходит плантацию и попадает на еле заметную тропу, которая выводит его к лужку у трех распадков.

...Адам идет по гребню холма, пригнувшись к ветру. Почувствовав едва уловимый запах, останавливается. Ветер крепчает, наполняется благоуханиями. Адам вдыхает его полной грудью и идет вниз, к реке.

...На берегу валяется старое байдарочное весло, два бревна. Он сдирает несколько лиан, связывает бревна в подобие плота и, оттолкнувшись от берега, плывет.

Река медленно влечет ненадежное судно. Адам, балансируя веслом, стоит на плоту и вглядывается в прибрежный лес.

Когда солнце, садясь, вызолотило верхушки сопок, он замечает в глубине прибрежного леса круглую фанзу с плетеным забором вокруг, коз, пасущихся рядом.

Присев на колено, он гребет к берегу.

Тряпичный полог фанзы откидывается и оттуда выходит меднолицый старик с монгольским лицом. Он глядит в Адама глазами-щелками, жует губами и жестом приглашает внутрь.

Плошка, чадающая на стене, еле разгоняет сумрак. Посредине фанзы стоит тренога с чугуном.

Старик усаживается на сиденье, наподобие лавки, вкруговую опоясывающем фанзу, кивает Адаму садиться рядом и раскуривает трубку. Сделав несколько затяжек, он говорит:

– Человек. Давно человек здесь не видел. А он когда-нибудь да появится. Куда ему деться! Земля хоть большой, но не так чтобы очень.

Адам слушает, но говорить не может.

Старик протягивает ему трубку. – На – оживись.

Адам затягивается раз, другой и дурманимый дым, в котором сосредоточены вытяжки всех мыслимых и немыслимых растений, погружает его в розовый туман, и тут же голова делается ясной, а уста размыкаются.

Он эйфорически улыбается и, влюбленно заглянув в стариковские глаза, протягивает ему трубку.

– А где же я нахожусь? И кто вы такой, дедушка?

– Да неуж-то не узнал? – старик отвечает уже и голосом другим и акцента восточного нет. – Вот чудак-человек! А разговор о займке помнишь?

Адам задумывается, потом пожимает плечами и улыбается. – Нет. Не помню.

Старик опять протягивает ему трубку.

И еще раз в адамовой голове проясняется, и память в полном объеме возвращается к нему. В мгновение вся жизнь проносится перед ним и, выпукло, последние события с кошмаром на займке. Он стонет как от зубной боли и валится на топчан. – Я видел ее! – кричит он. – Я видел...

Старик с неожиданной резвостью вскакивает на ноги и прерывает его. – Не говори имя! Нельзя! Табу, дурной твой башка! Бери трубка! Кури еще!..

Он вставляет трубку между клацающих зубов Адама и заставляет затянуться, глубоко и несколько раз.

И тут новая и совершенно хрустальная ясность нисходит на Адама. Вся прежняя жизнь сцепляется с недавним кошмаром в естественную и непугающую связь и та, имя которой табу, становится не страшной, но влекуще-загадочной.

Тело его легко, как пушинка, и окажись он сейчас на воде, то и пошел бы по ней «яко по суху».

Он опять садится, всматривается в старика, стоящего над ним, и сквозь монгольское лицо видит другое – поминутно проступающее под первым.

– Да, дедушка, я узнал тебя. Мы говорили с вами на остановке.

– Вот и хорошо.

Старик опять устраивается на топчане.

– А зачем ты, дедушка, направил меня в распадок?

– Она приказала.

– Почему?

– Ты много раз близко ходил. Думал о деревьях, плодах, травах. Тосковал по ним. Хотел их. Жить хотел среди них, как другие хотят жить с женщинами. Ей такой и нужен.

Адам краснеет.

– Зачем я ей?

– На свете мал-мало баланс поправить. Или нарушить. Смотря каким глазом взглянуть.

– Баланс чего?

Старик очерчивает в воздухе круг. – Всего.

Адам смотрит в потолок и ежится. – А сама она этот баланс поправить не может?

Старик качает головой. – Никак не может. Пятьсот лет ее тут не было. И теперь поздно. Нужен посредник. Человек. В деревне еще, мал-мало, куда ни шло. А в городе никак нет. Железа много. Железо силу забирай. Никак она не может. А я уже устарел совсем – никудышный слуга. И Лилит пропала.

– Какая Лилит?

Старик продолжает без видимой связи. – Ты будешь отцом сайманов. Лилит ищи среди мертвых.

Старик откидывает полог и они выходят наружу.

Под звездным небом густо синее притихший лес, под плетнем спят козы и сталью отливают гладь реки.

Он протягивает Адаму сверкающее перо, похожее на птичье.

– Теперь ты сайман. Иди, сайман, в город и найди Лилит!

Странно горят уши.

Войдя в квартиру, он откидывает длинные волосы, и смотрит в зеркало. Уши удлинились, а их острые концы обросли щетиной.

Он щупает их. Ухмыляется. – Я – сайман. Отец сайманов.

Звонит телефон. Адам снимает трубку.

Звонит его новая пассия Олечка Томилина, «снятая» дней десять назад в кабаке и из-за женского нездоровья не показывавшаяся уже дней пять.

– Адам, – говорит Олечка, немного растягивая слова. – Приве-ет! Ты как?

– Ты как, Томилина?

– Я – в порядке. Ты куда запропастился?

– Общался с природой.

– И толк вышел?

– Еще какой! Ты не поверишь.

– А со мной пообщаться не хочешь?

– Спрашиваешь.

– Я, собственно, звоню из автомата у твоего дома. Пробегала тут мимо...

– Что ж не заходишь?

- Ну-у. Кто его знает. Вдруг попаду в глупое положение.
- А именно?
- Я почти неделю у тебя не была. Может ты еще раз в кабачок сходил.
- Ах, вон ты о чем. Нет – в кабаки я больше не ходил.

...Повисев немного на Адаме, Олечка – еще та красотка, с огромными глазами анимэ и кроличьими зубами, придающими ее улыбке англо-саксонский шарм – с сумкой через плечо, исчезает в ванной. Оттуда она выходит в длинной рубахе на голое тело. В зале бросает сумку и вещи на кресло.

...Они лежат на разложенном диване. Адам, оторвавшись от ласк, тянется к тумбочке за презервативом.

- Сегодня можно в меня, – останавливает его Олечка интимным шепотом.
- Точно?.
- У-гу. Хочу чувствовать тебя еще ближе...

Она впускает его в себя.

Адам над ней, улыбается. Потом откидывает прядь с уха. Огромные глаза Олечки становятся еще больше.

– Что это!? – вскрикивает она и делает попытку высвободиться. Но Адам, схватив ее руки, распинает на диване. – Это называется «полюбите нас черненькими». Я – сайман!

Он наваливается на нее всем телом.

...Олечка, недвижимая, лежит на диване, Адам, с сигаретой, – на кресле рядом. Он наблюдает как ее уши растут, остряются и покрываются щетиной.

Очнувшись, подружка сползает с дивана, припадает к его ногам и лобызает их.

– Теперь уходи, – говорит он. – Ты знаешь, что тебе делать.

...В гулком кафельном морге двое людей – один в белом халате, другой в брезентовом переднике – стоят над обнаженной женщиной, лежащей на цинковом столе.

– Ну что, будем смотреть, Васильич? – говорит тот, что в халате: помоложе и с бородкой-эспаньолкой.

– Будем, – отвечает второй – постарше, сутулый и с длинными руками. Он вглядывается в труп с черным обожженным ртом. – Ну что, очевидный суицид... казалось бы...

– Почему: казалось бы? По мне – действительно: очевидный, – говорит бородатый.

– А по мне: так – нет.

– Это почему же, Васильич?

– А потому, Лешенька, что в кабинетах поменьше сидеть надо. Ты внимательно посмотри на ее рот.

Бородатый пропускает колкость мимо ушей и, склонив голову набок, вглядывается. – И что? Рот как рот. Вполне обожженный рот. Ничем не выдающийся.

– Э-э, а сколько у тебя трупов с такими отравлениями было?

– Да не помню я, Васильич. Несколько – было.

– Вот именно – несколько. А где потеки вокруг рта? А? Они просто обязаны быть. А тут, ощущение, что эта дама пила кислоту, как сухое вино, не торопясь и мелкими глоточками, боясь попортить нарядную кофточку. А потом аккуратно поставила посудинку и легла и померла. А? – Васильич вопросительно смотрит на бородатого. – Соображаете, Лешенька?

– Ну может это и несколько странно, но объяснимо. Скажем у нее было очень мало кислоты, и к тому моменту как склянка должна была выпасть из рук, она уже была пуста.

– А болевой шок? Нелогично, Лешенька. Посмотри на ее рот. Вернее, на ее губы. Их почти нет. Это сколько же миллилитров надо выпить, а? Нелогично, Лешенька, нет. Признай.

Бородатый озабоченно задумывается. – И что тогда? Криминальный труп, что ли? Кто-то залил ей кислоту насильно. Знаете, как в «Андрее Рублеве» свинец Никулину заливали?

– Не знаю, как там Никулину заливали, но тут что-то не так. Ладно, будем смотреть дальше. Кстати признаков изнасилования не наблюдается?

Они смотрят друг на друга, потом на живот женщины, опущенный черной курчавостью.

– Ну что ж, взглянем. – Длиннорукий склоняется над черными зарослями лобка, раздвигает плоть и через несколько секунд озадаченно разгибается. – Она девственница, Леша. Самая настоящая.

– Да? – поднимает брови бородатый. – Сколько ей лет, интересно.

Они вглядываются в лицо женщины.

– Я, думаю, не меньше тридцати, – говорит бородатый.

– Да. Морщинки вокруг рта... Примерно так, – соглашается длиннорукий.

– Если мысленно добавить ей губы и.., – бородатый склоняется и поднимает ей веко, – то получим очень даже привлекательную голубоглазую брюнетку. Которая целочка в тридцать лет, и которая пьет серную кислоту как сухое вино.

– Ну, не утрируй, не утрируй, юморист. Откуда ее привезли? Из квартиры? – спрашивает длиннорукий.

– Да нет, Васильич. Ее нашли на улице. Точнее, во дворе частного дома на Понизовского. Хозяйка дома вообще утверждает, что она ночью к ним в окно стучалась вот в таком виде. С таким вот ртом. Перепугала до икотки. Это ее соседка.

– Да? Странная история. А дамочка что, из тех, что принцев до последнего ждут? – спрашивает сам себя Васильич.

– А принц приходит и поит кислотой, – дополняет бородатый.

– Не романтик, ты, Лешенька...

Узкий коридор Дворца культуры офицеров, с дверями гримерных по бокам, забит разряженной молодежью.

Жорика Адам находит у входа на сцену. Угрожающе нависнув, тот что-то доказывает девице в купальнике.

Адам пробивается к нему.

Лицо Жорика красное от гнева. – Я тебя последний раз спрашиваю: «бюз» снимешь?

Девица, глядя в пол, отрицательно качает головой.

Жорик вертит по сторонам пунцовым лицом, призывая в свидетели гудящую толпу. – Ты что, не понимаешь? Люди деньги заплатили!

– Не сниму, – упрямится девица, не поднимая глаз. Кажется, она готова разреваться.

– Ну ты ду-ура! А зачем соглашалась раздеваться?

Девушка пускает слезу. – Я боюсь!

– Чего боишься!? – кричит Жорик.

Жора! – кричат из другого конца коридора и, расталкивая толпу, к Жорику прорывается длинноносый с красными глазками.

– Жорик, чего мозг сушишь! Хоть одну сиську кто-нибудь покажет? Уже башли назад требуют!

Из зала доносится подтверждающий свист, кричат. – Козлы! Секс давай!

– Ну! – скрипит зубами носатый.

– Хрен с ними! Кто будет залупаться, деньги ворачивай!

Носатый сжимает губы в узкую ниточку. – Ну, Жорик! Чтобы я когда-нибудь с тобой еще раз связался!..

Он мерит девушку уничтожающим взглядом. – Понабрали тут мокрошелок!
– Ну, ты же сам видишь, – разводит руками Жорик. – Что с нее, дуры, взять!
– Да сосали бы вы все! – носатый разворачивается и, работая локтями, ввинчивается в карнавальную толпу.

... – Идиоты! Не с кем дела сделать! – Жорик мечется по гримерной, как броуновская частица, махая руками. – Что за город! Что за необязательность! Один напился, у другого бабушка при смерти, третьей мама раздеваться не велит! Я – херею!

Адам курит, оседлав стул. – Жорик хватит стонать.

– Хватит, хватит! Сейчас Слон кассу принесет. Посчитаем – может плакать придется.

– Выкрутишься. Первый раз что-ли.

Жорик перестает носиться и усаживается на подоконник. – Если нечем будет заплатить ребятам из атлетклуба, это будет коррида.

– Ну, навалят люлей немного, – меланхолично отмечает Адам, – в первый раз, что-ли.

– Кончай ты подкалывать!

Адам достает спичечный коробок. – Дунуть хочешь? – он раскрывает его и выбивает маслянисто-черный брикет, прилипший ко дну.

– Никого себе! – Жорик берет брикет, нюхает и закрывает глаза. – Духанище – бздец!

– Это продается, – говорит Адам с улыбочкой.

– Да? И какая цифра?

– Дешево.

– Мозги не пудри!

– Триста.

– Ты че в общество милосердия записался?

– Тогда – штука.

– Не-не-не! – машет Жорик руками и спрыгивает с подоконника. – Все, я – беру!

– Может, дунем на пробу, Рокфеллер!

– Здесь? – Жорик задумывается на секунду. – У оркестровой ямы есть очкур подходящий. Давай там.

Дверь открывается, и в гримерную входит круглый, как пузырь, с толстыми линзами на носу, Слон. В руках он держит по полиэтиленовому пакету внушительных размеров, набитых ассигнациями и мелочью.

– Привет!? – говорит он и вопросительно смотрит на Жорика.

Жорик накидывает крючок на дверь и вытаскивает на середину стол, стоявший в углу. – Вываливай!

Слон откашливается и косо глядит на Адама.

Жорик ловит его взгляд.

– Ты чего! Коммерческой тайной озабочен, что ли? Это – свои. Бабки вываливай!

... – Итак – пролет: без пяти рублей штука. Три четыреста пятьдесят минус все дела – остается всего ничего. Пятьсот двадцать пять и плюс подходящий... еще и клоунам этим надо платить.

Слон, сняв очки, смотрит в раскрытый «дипломат» с деньгами, – Еще триста пятьдесят чтобы со «шкафами» из атлетклуба разбашляться, плюс...

– Да гори оно все синим пламенем! – Этим восклицанием Жорик подводит черту под финансовыми изысканиями Слона. – И так ясно, что пролет! Завтра разберемся! Адам забивай!

Адам разжимает ладонь с коробком. – Здесь?

– Народ рассосался? – спрашивает Жорик Слона.
– Я выходил из кассы – вахтерша уже дверь закрывала.
– А этот, как его? Ну, хромой?
– Электрик. Что ли?
– Ну! Вахтерша гундела: по дворцу, говорит, где-то шарится.
– Ладно. До вахтерши далеко, а хромой, наверное, уже сивки обпился. Храпит где-нибудь в оркестровой яме. Давай здесь.
– Как бы жена не вычислила, – озабоченно говорит Слон.
Жорик окидывает его очки-линзы саркастичным взглядом. – Кончай ты! За твоими фарами один хрен ни черта не видно!

...Жорику со Слоном хватает по одной затяжке. Они хватаются за головы. Как луковицы из грядки, вытягиваются мохнатые уши. Упав на колени, они по-собачьи смотрят на Адама.
– Ну, вот, – Адам поднимается, кидает брикет на стол и берет дипломат с деньгами. – Надеюсь вам хорошо, ребята? Угощайтесь еще. Угощайте друзей.
Новоиспеченные сайманы кивают головами, поедая его взглядами.
– И денежка вам теперь ни к чему.
– Какие денежки, отец! – шепчет Жорик. – Я не могу! Можно я пойду электрика разыщу!?
– Гуляй! – говорит Адам, и Жорик, откинув крючок, выскакивает за дверь.

В белоколонном фасаде Дворца культуры офицеров сиротливо светится прямоугольник распахнутой двери. В ней появляется силуэт. Хромой электрик выходит на пустынную площадку перед дворцом. За его спиной, в глубине холла, осталась старушка-вахтерша, уронившая голову на стол. В ее широко раскрытом мертвом глазе застыл ужас.

Хромой, пытаясь скрыть светящиеся уши, поглубже натягивает кепку, из под которой торчит пакля невымытых волос, и вздрагивает от девичьего смеха.

Невдалеке в темноте аллеи, светятся две сигаретные точки.

Электрик воровато оглядывается, поплотнее запахивает пиджачишко и хромает на огоньки.

Таньке снится сон без изображения. В нем шепчут и свистят. На грудь что-то надавливает и она просыпается.

Она решает что еще спит, щиплет себя за щеку, но бред на кровати напротив не проходит. Там, в квадрате лунного света, барахтаются Олечка и Майка. Олечка, склонившись, сидит на плечах Майки.

– Вы что, дуры, с ума сошли! – кричит Танька и вскакивает с кровати.

Олечка тут же спрыгивает с подруги и толкает Таньку в грудь так, что та отлетает назад на кровать и, стукнувшись затылком, на секунду теряет сознание.

Очнувшись, она открывает глаза и опять зажимается: Олечка и Майка, в белых сорочках, стоят над ней. По бокам их голов остроконечными огоньками светятся уши.

Танька визжит, и поминая мамочку, зарывается в подушку.

Майка рывком усаживает безвольную Таньку в прежнее положение, а Олечка, тем временем, вскакивает на кровать и припадает к ее губам. Большеголовая Танька вздрагивает и кричит. В дверь барабанят. Слышится встревоженный голос. – Девчонки, вы что там? Два часа ночи уже!

– Да не лезьте вы! – кричит Майка.

После короткого молчания за дверью откликаются. – Я сейчас к коменданту пойду.

Майка подбегает к двери, прикладывает ухо, потом дергает задвижку и распахивает дверь. За ней, в ночной рубаше, стоит худая, похожая на цаплю, Ленок. Все три двери общежитской секции открыты и из них выглядывают заспанные девушки.

Оттолкнув Ленок, Майка подбегает к выключателю и гасит свет. В темноте ее уши светятся, девчонки визжат, хлопают двери, стучат щеколды. Тщедушная Ленок прижимает худые руки к груди и, качнувшись, закатывает глаза. Сайманка ловит ее под мышки и уволаскивает в комнату.

...Ночь довольно спокойная: за пятнадцать минут ни одного звонка.

«Не к добру это» – думает дежурный капитан. От непривычной тишины он чувствует позыв поудобнее устроиться в кресле и вздремнуть. И тут же телефонный звонок выдергивает его из такого нетипичного расслабона.

Он записывает время – без пятнадцати три ночи. Слушает, потом начинает нетерпеливо сопеть. – Я все понял. Мне все ясно. До свидания. – Он кладёт трубку. С пульта вызывает дежурную машину. – Алле. Шестнадцатый? Где сейчас?.. Ясно... Сгоняй на Чайковского в общежитие института искусств. Шумит там кто-то. Успокойте. Комендант на вахте встретит.

... – Уверен: сейчас какого-нибудь бухаря из бабьей постели будем вытаскивать.

– В институте искусств? Откуда он там? Скорее курсанта какого-нибудь.

– Сегодня четверг. Увольнительных нет. Вряд-ли курсанта.

– В самоход пошел. Долго ли умеючи.

– Вряд-ли.

Так переговариваясь, два сержанта – Андрей и Игорь – входят в общежитие.

Комендантша по кличке Котлета – необъятная, завернутая в халат с птицами – ждет их в холле.

...Почти уткнувшись носами в огромный зад, сержанты, черепашим ходом, поднимаются вслед за ней на четвертый этаж, пытаясь расслышать ее бубнение, из которого следует что «...прибежали студентки из соседней секции: крики там, говорят. Потом стихли. Я поднялась с ними. Сколько не стучалась – никто не откликается и не открывает. Сколько раз говорила: сдайте ключи от секций. Так нет же – запрут на ночь. Мы, мол, боимся... Знаем мы эти боязни...»

На лестничной площадке, куда выходят двери двух четырехкомнатных секций, пусто.

– Вот эта, – показывает комендантша на дверь.

Суровый Игорь стучит в дверь, коротконогий Андрей, волнуясь, по-утиному переминается на месте.

За дверью не откликаются. Игорь стучит громче. – Откройте милиция!

На этот раз в тишине щелкает задвижка, слышатся шлепки шагов, ключ поворачивается и в распахивающейся двери появляется курносая девушка с распущенными волосами. Она испуганно выговаривает. – Ну, наконец-то! Сколько можно вас ждать!

Игорь козыряет и представляется малопонятной скороговоркой. Вслед за девушкой они входят в секцию.

– Вы туда постучите, – показывает девушка на дверь напротив своей комнаты. – Там непонятное что-то происходит.

Андрей шагает к указанной двери, а курносая, тронув Игоря за рукав и косясь на комендантшу, шепчет. – А вы к нам зайдите. Мы тоже кое-что покажем. Еще похлеще...

Игорь, сбитый с толку неожиданным заявлением, шагает в темную комнату. Девушка прошмыгивает вслед за ним, закрывает щеколду и включает свет.

На кровати стоит голая девушка с удлинённым телом и огромными мультяшными глазами. Вытянув руки, она манит его, замедленно и распевно растягивая слова. – Ну, иди-и же, иди-и! Иначе ни-икогда ни-ичего не поймешь!

Сзади на одеревеневшего милиционера кто-то прыгает, обвивается вокруг шеи. Волна волос падает на лицо.

...Постучав, Андрей слышит за спиной хлопок закрывшейся двери, оглядывается и не понимает: Игорь вошел в комнату, но зачем закрылся?

Комендантша переводит вопросительный взгляд то на него, то на дверь.

Андрей по инерции стучит в дверь напротив, слышит за ней плаксивый голос. – Мы боимся! Кто вы? – Но уже не обращает на него внимания и шагает к двери, за которой скрылся напарник.

Отстранив комендантшу, он прислушивается – за дверью возятся.

– Игорь! – кричит он.

Никто не отзывается.

Выждав секунду, сержант выдергивает из подсумка баллончик с газом, ударом плеча распахивает дверь и, очутившись в темной комнате, не может постигнуть смысла абсурдной картины: в полумраке, голая девушка шагнула с кровати на пол, другая – маленькая, большеголовая и пышногрудая, прыгнула с плеч Игоря. Огоньки мелькнули у их голов.

Свет включается и слева, из-за двери, выглядывают еще две девушки.

Игорь, без фуражки, стоит посреди комнаты и ухмыляется.

Андрей никак не может сообразить, что же в нем так поражает его. Пока не понимает: острые мохнатые уши.

Он тупо улыбается и роняет баллончик.

– Я сейчас, Андрюха, – улыбчиво говорит Игорь, поигрывая дубинкой. – Только вот фуражку подниму.

Он наклоняется и, неожиданно, с разворота, вlepливает дубинкой напарнику в лоб. Тот взмахивает руками и падает в объятия комендантши, стоящей сзади. Путь становится свободен и сайманки накидываются на надсмотрщицу, сжимающую обеспамятвшего сержанта и тарасящиеся безумными глазами...

Адам входит в темную аллею и, миновав три здания псевдоклассического стиля с колоннами и лепниной по фасадам, оказывается у белеющего в темноте двухэтажного флигеля с непроницаемо темными окнами. Сбоку флигеля вход в подвал.

Адам обходит здание вокруг.

С обратной стороны к стене флигеля примыкает густой кустарник. Продравшись сквозь него, Адам ложится на спину, достает из нагрудного кармана пиджака сверкающее перо и кладет его на переносицу.

Набрав полные легкие воздуха, он медленно выдыхает. Его глаза закатываются, веки смыкаются, щеки и виски проваливаются.

Перо шевелится и, оторвавшись от переносицы, плывет вокруг флигеля. Долетев до черного входа в подвал, оно ныряет вниз.

Из замочной скважины несет холодом.

Перо начинает вертеться и, преодолевая сопротивление, влетает в отверстие. Таким же образом оно минуло вторую дверь и очутилось в вытянутом помещении, освещенном тусклым баннным светом. По бокам тянутся длинные стеллажи с трупами.

Перо взмывает к потолку, раскрывается сияющим веером и становится похожим на перламутровую раковину. Потом ослепительно вспыхивает и в центре раковины появляется крутящийся шар с длинным отростком. Шар замедляет вращение и останавливается.

Это Адамова голова со столбом позвоночника и покачивающимся на синих венах сердцем. Оно истекает кровью.

Качая хвостом, голова плывет над стеллажами, орошая трупы кровью. У дальней стены она поворачивает к стеллажу напротив. Первый труп орошенный ею – мужчина со смятой грудью и животом – хрипит и поднимается. За ним шевелится молодая женщина с обожженным ртом.

Завершив круг и уронив последние капли крови из сморщившегося сердца, голова повисает у дверей.

Узкий проход заполняют натыкающиеся друг на друга мертвецы. Они тянут руки, шепчут, скребутся в металлическую дверь, а все новые, хрипя, соскальзывают со стеллажей.

Адам на ощупь снимает перо, опустившееся на лоб, и садится.

Лицо его обретает нормальный вид, только глаза еще пьяно блуждают, а голова кружится.

Придя в себя, он кладет перо на прежнее место, встает, отряхивается и выбирается из зарослей. Под фонарем смотрит на часы: пять минут пятого утра.

Милицейский «уазик» мчится по прямой, как стрела, улице с бульваром посередине. Четверо сайманов, двое из которых Игорь и Андрей, цепко вглядываются в пустоту предутренних улиц.

– Человек! – кричит Игорь.

Автомобиль с визгом тормозит и, развернувшись, останавливается у тротуара. Сержанты, с дубинками наперевес, выскакивают из автомобиля и кидаются к длинноволосому человеку, стоящему под деревом.

Человек шагает им навстречу и кладет правую руку на грудь. Рука вспыхивает веерообразно и сержантов, и еще двоих, выскочивших вслед за ними, окатывает волна благоговенья. Роняя дубинки, они падают на колени и ползут к ногам Адама. Он отнимает руку от груди. – Сейчас уже не угадаешь, где встретишь своих детей, – говорит он и, наклонившись, треплет Игоря за сайманское ухо. Потом замечает огромную шишку на лбу Андрея. – Где это тебя угораздило, сынок?

– Разве это важно? – отвечает Андрей. – Я вижу вас – а остальное – такая хрень!

Адам хмыкает, улыбается, потом суровеет. – Ладно. Хватит сантиментов. По пустым улицам носиться – много ума не надо. Сейчас поедem к подвалу морга: дверь вскрыть надо...

...Адам открывает «дипломат» и критически разглядывает содержимое. Куча мятых денег не годится для задуманного.

Он рассортировывает купюры по номиналам, стягивает их резинкой. За вычетом серебра, меди и железных рублей, оказалось три тысячи триста рублей.

...В полдевятого утра он входит в тесный зальчик сберкасс.

В казенном помещении пусто. Две кассирши, не замечая его, встревоженно переговариваются.

...Сдав деньги и кинув новенькую сберкнижку в дипломат, он опять выходит на улицу.

Прохожие, как ни в чем не бывало, спешат по своим делам, наслаждаясь теплым сентябрьским утром.

Адаму становится скучно. Непрерывно скучая, он проходит целый квартал.

Вдруг, из-за угла, навстречу ему, выскакивает женщина в развевающемся плаще и босиком. Вслед за ней выскакивает мужчина. Он кричит. – Это мистификация, Алла! Чья-то нелепая шутка, Алла!..

«Ага, наконец-то.» – Адам прибавляет шаг и, свернув за угол, чуть не сбивает пятегося на него деда, в сбитой набекрень шляпе. Рядом, в телефонной будке, какой-то губатый, поминутно оглядываясь, крутит диск. Из-за дальнего угла дома выглядывают испуганные лица. В десятке шагов от Адама, под стеной булочной, стоит лавочка. На ней, слегка завалившись набок, сидит голая девушка с распущенными волосами. Тело ее меловой белизны, рот черен. На остановке стоит пустой троллейбус, за ним несколько авто с сиротливо распахнутыми дверьми.

Адам проходит мимо обмершего губатого к девушке, заглядывает в застывшие васильковые глаза, трогает обожженный до оскала рот, отмечая за спиной шум приближающегося троллейбуса. Достав перочинный нож, он протыкает свой палец и размазывает кровь по ледяной груди девушки.

Мертвая дергается, хрипит и рывком встает с лавочки.

Водительница троллейбуса, катящегося к остановке, открывает рот и ее лицо искажает гримаса ужаса. Троллейбус с ходу врывается в другой: стоящий на остановке. Слышатся крики.

Девушка идет наискосок, через улицу, натывается на брошенный автомобиль и обходит его, слепо шаря по лобовому стеклу, распахнутой дверце.

Адам провожает ее взглядом. Потом говорит себе. — «Пора!» – и, не обращая внимания на панику внутри троллейбуса, людей, пытающихся выбираться сквозь разбитые окна, водительницу, истекающую кровью в искореженной кабине, идет опять к сберкассе.

Полногрудая кассирша недовольно выговаривает ему. – Вы же только что положили.

Адам ухмыляется. – Мамаша, по улицам мертвецы разгуливают, а вы о такой ерунде печетесь.

Кассирша, потянувшаяся было за протянутой сберкнижкой, застывает. – Это вы так шутите? – спрашивает она и испуганно смотрит на соседку – крашеную брюнетку. Брюнетка смотрит на Адама. Ее рот дрожит.

– Ну, – утвердительно говорит он. – Шучу, – и загадочно улыбается.

Полногрудая, трясущейся рукой, пишет в книжке.

– Вы так больше не шутите! – говорит она с непреодолимым испугом, выкладывая на стойку упаковки с деньгами. – А то тут с утра такие слухи. Не пойми что...

– То ли еще будет! – отвечает Адам весело, бросает тугие прессы в дипломат и выходит вон...

В холле областного управления государственной безопасности просторно и тихо. По правую сторону стоит несколько кресел, по левую – за полированным барьером, сидит человек в штатском костюме и очках. Человек вопросительно смотрит на Адама, в нерешительности застывшего у дверей.

– У вас какое-то дело к нам, товарищ? – вежливо спрашивает человек и указательным пальцем поправляет очки.

Адам, потупившись, подходит к очкарику и вздыхает. – Даже не знаю с чего начать. – Он с сомнением смотрит на свой дипломат, ставит его на барьер, раскрывает и поворачивает к очкарику.

Гэбист с недоверием смотрит в дипломат. – Вижу что деньги, – он опять поправляет очки. – Ну и что?

– Это не деньги, – качает головой Адам. – Это тридцать сребренников. Это я Родину продал.

– Родину продали? – очкарик невозмутим. – Ну, а если без пафоса и по существу?

– Я на иностранную разведку работаю. Уже год. Это очередной аванс.

Адам втыкает взгляд в пол. – Совесть заела, – бормочет он под нос еле слышно. – Ночами не сплю, – он поднимает глаза и пронзает гэбиста взглядом с застывшей слезой. – Ведите меня к своему начальству. Я больше не могу так!

Очкастый, посверлив его изучающим взглядом, кивает на кресло. – Присядьте. Дипломат оставьте. Вас позовут.

Гэбист поднимает трубку, что-то говорит в нее, захлопывает дипломат и ставит к себе на стол. За его спиной открывается дверь, входит человек и забирает дипломат.

– Пройдите туда, – говорит очкарик, кивая на дубовую дверь напротив.

За дверью, у маленького столика с телефонным аппаратом, сидит человек. Он молчаливым кивком отвечает на адамово «здрасьте!» и проводит по одежде Адама металлическим предметом.

– Пройдите за мной! – приказывает второй, стоящий поодаль, с дипломатом в руке.

...Плотный усатый мужчина, лет пятидесяти, похожий на моржа, захлопывает дипломат, отодвигает его в сторону и вопросительно поднимает брови, отчего морщины на его лбу складываются в гармошку.

– Я вас слушаю. Рассказывайте.

Адам нервно вздыхает.

– Не знаю с чего начать.

– Как. Когда. При каких обстоятельствах, – почти ласково говорит морж, трогая свой чубчик валиком, видимо знакомый и с феном и с лаком.

Адам бросает взгляд на графин с водой, стоящий за спиной начальника, и проглатывает комок. – Нельзя ли водички? Сами понимаете – волнуясь.

– Отчего же, нельзя, – усатый поворачивается за графином.

В ту же секунду Адам хватается дипломат и кидает в голову моржа, с невероятным проворством вскакивает на стол и прыгает на плечи гэбиста.

...Адам сидит на столе, а усач на полу, на корточках. Он поглаживает ухо и с недоверчивой радостью косится то на него, то на Адама.

– Значит, говоришь, звонками замучали. Мертвецы, говорят, по улицам ходят. Что ж, верно. Бардак будет усиливаться. – Адам соскальзывает со стола, смотрит на торчащую из-за него голову.

– Выползай, полковник!

Усач, сопя, поднимается.

– Садись, не стесняйся, – кивает Адам на кресло. Полковник с готовностью подчиняется.

– Твоя задача – парализация всех видов связи: гражданской, воинской, какой там еще – ты лучше знаешь. Полная изоляция города. Следующая задача – захват пусковых шахт. Говоришь их двенадцать. Тогда скажи: если поднять их содержимое в воздух и взорвать, что будет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.